
Александр ВОЛЫНЦЕВ

СЛИВОЧНЫЙ РЕКВИЕМ

Рассказ

*Поколению наших родителей —
детям войны.*

...Ветер сегодня был по-особому ледяной. Он давно уже охотился за этой упрямой девчонкой, да все силенок не хватало. Но он ждал. Хищники умеют ждать. Он копил силы. Гудел оборванными проводами и терпел. Когда же можно будет сбить с ног эту гордячку, прижать голову к сугробу и забить ее вечно голодный рот снегом? Накормить досыта пургой и поземкой. И так держать, пока она не перестанет шевелиться...

Многие с ним уже не спорят. Падают и лежат. Пока не придут за ними другие. Такие же полуживые. Такие же полумертвые. Поднимут тех, кто еще дышит. Махнут рукой на тех, кто дышать перестал.

Может быть, сегодня получится свалить эту упрямицу?

Вон она, спешит, как может. Прижимает к своей тощей груди пайку, пытается укутаться в старую шаль и проскочить побыстрее улицу, на которой властвует он — январский ветер.

Если она успеет добежать до арки, ведущей в лабиринт проходных дворов, то ее уже будет не достать. Соваться в эти дворы бессмысленно: растащит по подворотням, вышвырнет в небо из жерла двора-колодца, поди потом, собирай свои силы в единый поток.

Вот сейчас... Хороший момент, чтобы наподдать...

Рая уже почти добрела до своей арки, как за несколько шагов до нее распахнулась дверь парадной и из подъезда вывалилась тень.

Долговязый, в шапке по самые глаза, запавшие щеки... Он протянул в сторону Раи правую руку со скрюченными желтыми пальцами: «Стой... Сюда давай... Сю-да...»

Рая окаменела. Долговязый ухватил ее за уголок шали и потянул на себя. В левой руке тускло блеснул кухонный нож. Старый, с выеденным многолетними заточками лезвием. Почему в глаза бросается такая мелочь? Зачем? Чтобы потом приходиться в многолетних ночных кошмарах? А будут они, эти «многолетние»?

Александр Волынцев родился в 1967 году в городе Озерске Челябинской области. Учился в Ленинградском кораблестроительном институте и Ленинградском государственном институте культуры. Окончил филологический факультет Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Работал корреспондентом газеты «Озерский вестник», корреспондентом телестудии ПТО «Видеоканал», корреспондентом и ведущим радиопрограмм в МУП ОТРК «Иртыш», возглавлял отдел по связям с общественностью ЦГиЭ № 71 ФМБА России, работал корреспондентом и заместителем главного редактора газеты «Единый Озерск». Член Союза журналистов и Союза писателей России.

«Это мое!» — взвыл ветер и от обиды что было сил ударил сцепившиеся фигурки, барахтающиеся у стены. Долговязый такой подлости не ожидал и навзничь полетел в сугроб, увлекая за собой свою добычу.

И тут на выручку пришел страх. Рая взвизгнула, из последних сил поднырнула под локоть нападавшего и, оставив в его руке бабушкину пуховую шаль, бросилась в сторону арки.

Конечно, «бросилась» — громко сказано. Она просто попеременно падала то на одну, то на другую ногу, только-только успевая их подставлять, чтобы не упасть.

Вот и дверь парадной. С каждым днем она становилась все тяжелей. Словно и она пухла от голода, как их соседка с первого этажа. Пока не умерла.

Почти виса на перилах, Рая поползла на свой этаж, иногда останавливаясь, чтобы отдышаться и прислушаться: не хлопнула ли дверь, не шаркают ли по ступеням ноги того, с ножом, обезумевшего от голода...

Последний лестничный пролет перед квартирой. На ступеньках сидела тетя Лида, соседка из коммуналки напротив.

— Здрасьте, тетя Лида...

— А?.. Раюшка... Здравствуй... Что это ты по зиме да с босой головой... Мороз-Красный Нос отобрал?

Она любила пошутить, эта тетя Лида, несмотря на то, что уже получила похоронку на мужа, а сын пропал после очередной бомбежки. Шутила, несмотря на то, что сама уже от голода передвигалась с трудом. И даже суп из любимого Барсика не пошел впрок...

— На-ка, детка, возьми... У меня дома еще есть...

Тетя Лида стащила со своей головы шерстяной платок и протянула Рае:

— Бери-бери. Он чистый... Вошек-то не прижила еще. Они, поди, по всему городу повымерзли. Да... И вот еще возьми. Я матери твоей несла. Передай... Ну, беги. Беги давай. Заждалась уже мамулька-то. Беги...

Рая взяла из рук тети Лиды небольшой сверточек и побрела к себе.

— Это — что? — тихо спросила мать, кивнув на платок и сверток.

— Это — тетя Лида... Я шаль бабушкину потеряла, а она платок свой дала.

Мать покачала головой и медленно развернула принесенное. В Лидиной газете была хлебная пайка. Мать внимательно посмотрела на дочь:

— Почему?

— Она сказала, что тебе несла.

— Где она?

— На лестнице. Сидит...

Мать медленно поднялась и вышла из комнаты. Стукнула входная дверь. Рая положила на стол рядом с пайкой тети Лиды и свой сверточек. Хлеб на двоих. Свой и мамин.

Есть уже почти не хотелось. Но она знала, что стоит только положить в рот малюсенький кусочек, как проснется он — страшный голод, и тогда дрожащими руками она попытается заткнуть ему пасть, забрасывая крошку за крошкой... Крошку за крошкой... Свою пайку... Потом — мамину... Потом ту, что передала тетя Лида... Кстати, а почему она ее передала? Откуда? Ведь она могла съесть ее сама...

Рая отошла от стола и легла на диван, уткнувшись лицом в его кожаную бегемотью спинку.

Не смотреть на стол.

Не думать.

Не...

Сейчас придет мама. И они съедят этот хлеб. Сначала одну пайку. Пополам. С кипятком. Потом — вторую. Но попозже. Попозже...

Скрипнула дверь. Пришла мама. Сегодня она не скажет Рае, что тетя Лида умерла.

Умерла там, на ступеньках. Тихо, как будто уснула. Как умерли уже тысячи ленинградцев и тысячи умрут еще.

По-разному. Кто-то — как тот долговязый, чей окоченевший труп нашли утром, недалеко от того места, где он напал на Раю и чуть было не отобрал жизнь, а отобрал только шаль... Шаль, кстати, при трупе не нашли. Как не нашли и ножа.

А кто-то умрет, как тетя Лида, за несколько минут до смерти пытаясь дотянуться до кого-то, чтобы, уходя, в последний раз поделиться теплом...

Раю много раз задавала вопрос: если бы тетя Лида не отдала свой хлеб, может быть, она бы осталась жива? Или нет? А если — да, то как теперь с этим жить?

Но этот вопрос она задавала себе уже потом, в эвакуации. И потом, после Победы. И много раз позже...

А в тот вечер они с мамой просто пили чай с хлебом. Да-да! Именно чай, несколько щепоток которого мама торжественно заварила в стакане, и они обе зачарованно следили, как чайники, кружась, опускались на дно, оставляя за собой темно-янтарный шлейф... И даже был кусочек сахара. Целый кусочек сахара. Ведь это был не простой вечер. Это был день рождения Раи.

Мама помнила.

* * *

Обитая старым дерматином дверь скрипнула и приоткрылась, насколько позволяла цепочка.

— Будем в КПП играть? Или праздник праздновать? — процедил Солодов.

Дверь чавкнула и открылась снова, выпустив на лестничную клетку одну из хозяек квартиры, Дашку.

— Лешка! Спасибо, что пришел!

— Ага... Я же для того и существую. Скорая братская помощь. Кто я сегодня?

— Фил. Прости, что сразу не сказала. Филимонов же всегда с пузырем...

— Не вопрос. Я — тоже. А вот гитара...

— Гитару я уже взяла. В пятой квартире.

— Ну и молоток. Пошли.

Проходя узким коридором коммуналки, Солодов привычно повернулся от висящего на стене велосипеда и нырнул в комнату, где жил его друг с сестрой.

За столом, покрытым неизменно белой скатертью (спасибо Дашке!), сидел сослуживец Солодова по кличке Колобок (потому что Колобов по паспорту, что не вязалось с его внешностью).

— Фил! Братуха! Заходи, родной! — Колобок радушно замахал своими нескладными лапами. — Гитару принес? О! Красавчик! Вижу-вижу! Давай к нашему шалашу!

Солодов кивнул и впечатал в центр стола поллитровку.

— Не-не-не! Я по беленькому! — хохотнул Колобок и ткнул пальцем в литровый пакет кефира.

— Да? Мишаня... И давно ты стал спецом по кефирдосу?

— Здравсьте-приехали... Что-то с памятью твоей стало? Я в прошлый раз говорил, что с контузии не пью. Не могу. Потом башку неделю рвет на куски. Так что ты наливай, а я на тебя посмотрю, порадуюсь...

Солодов, кивнув, плеснул себе в стакан водки, Колобок — кефиру, чокнулись и опрокинули по первой.

— Ну, давай, Фил, рассказывай, что там, кто там, кого из наших видел?
— Да кого там... Все разбрелись, кто где... Темыча в кабаке встречал. Он там вышибалой пристроился, а так...

— А Солода давно видал?

В этот момент Лехе показалось, что Колобка отпустило, что он пришел в себя, только не хочет этого признавать и продолжает дурить. Хотя... Нет, просто показалось.

— Солод в какой-то охранной конторе. Лабазы сторожит всякие...

— Да ладно... Как-то совсем не по прежнему профилю...

— А сейчас такой профиль: что урвал, то и пропил! Будь!

— Будь!

Солод-«Фил» поспешил уйти со скользкой темы:

— Давай-ка лучше споем!

— Давай!

Друзья спели несколько старых песен, периодически опрокидывая в свое нутро необходимую жидкость (каждый — свою), закусывали, что сеструха Колобкова успела на стол метнуть, и говорили, говорили, говорили...

— Слушай, Фил... прости, если не в тему, просто давно спросить хотел... Ты со своей чего разбежался?

— Правда, брат, не в тему. Я лучше тебе песенку спою, которую ей в загсе при разводе пел...

Леха снова взял гитару и затянул на мотив известного шлягера Пугачевой:

Пускай ты выпита другим,
А я доеден за обедом,
Но все равно мы проследим
Тот ЖКТ, которым едем...
Пускай ты выпита другим!

Допев, Солод снова плеснул в стакан:

— А давай за прошлое, чтобы оно всегда оставалось в прошлом!

— О! Философский тост! Давай! Кстати, о прошлом. Помнишь, ты на концерте в главке спел про зарплату?

— Такое забудешь... Думал, вообще уволят...

— Спой, Фил!

— Лови!

Леха ударил по струнам:

Рыбка варится в кастрюле —
Нототения.
Похудел уже к июлю —
Нота тени я!

Песня была написана Филимоновым в девяностые, когда зарплату порой приходилось получать не в окошке кассы, а добывать на стороне. Любыми путями.

В день, ознаменованный зарплатой,
Я назло соседям не напьюсь.

Может быть, куплю себе собаку
Или неожиданно женюсь! —

исполнил Солод финальный припев и хлебнул прямо из горлышка.

— Тихо-тихо, братуха! Не спеши так!

И снова сквозь табачный дым поплыли неспешные разговоры-воспоминания про службу, про последнюю операцию, где двоих накрыло взрывной волной, а Серегу Босова ранило, а Солод после запер изъятые два кило герыча в сейфе, а экспертиза потом показала, что это сахарная пудра...

— Кто ж тогда сейф-то подломил? — вдруг спросил Колобок, и Солоду снова показалось, что Мишка спрашивает это не у Фила, а у него, Солода... Да нет, показалось.

— Поди знай... Мы все в курсе, что там герыч. В полночь заперли, утром Солод отдал экспертам. Все... Да какая теперь...

— Согласен. Никакой. Но обидно инвалидность — за пудру. То ли дело — герыч! — мечтательно изрек Колобок и хлебнул кефиру.

Поллитровка, которую принес Леха с собой, опустела и нырнула под стол.

— Ладно, братишка, пойду я. А то пальцы по проводам уже не попадают, — вздохнул Солод и сунул гитару в руки вошедшей в комнату Дашке. — На. Потом заберу.

Лешка уже был на пороге, когда Колобок выглянул из комнаты:

— И за бачок спасибо, братан! Как новенький!

Солод махнул рукой и выскользнул с Дашкой в парадную.

— Какой бачок?

— Да Филимонов на прошлой неделе заходил, час в сортире возился. У нас бачок не работал. Теперь работает. Ну... Пока. Спасибо тебе, Лешка...

— Да ладно...

Бывший оперативник Солодов бывал в этой квартире с незавидной регулярностью. После контузии Колобова комиссовали, дали «щедрую» инвалидность, но как сам он говорил в минуты просветления, лампочку ему стряхнули основательно.

Врачи разводили руками и тонко намекали, что его феномен больше похож на искусную симуляцию, если бы не результаты обследований, которые все же позволили получить Мишке нищенскую пенсию в качестве извинения за исполнение служебного долга.

Когда «лампочка» в очередной раз давала сбой, Дашка звонила Солодову, тот мчался на другой конец города и добросовестно изображал того или иного персонажа, которого жаждал видеть Колобок.

Почему?

Потому что — ночь.

Потому что — болезнь.

Потому что — друг.

Вернувшись в свою хрущобную берлогу, Леха предвкушал, как продрыхнет часов двенадцать. Благо выходной. Последние полгода он спал по три часа в сутки. Просыпался, как по будильнику, и больше заснуть не мог. Поэтому перспектива многочасового сна барахталась где-то в районе солнечного сплетения бархатным предчувствием. Солод растянулся на диване, скинув только верхнюю одежду и ботинки.

...Телефонный звонок выдернул Солода из теплых объятий ночи. Дашка. Из потока ее проклятий и пожеланий скорой и страшной кончины Леха понял только одно: после его ухода Колобок недолго посмотрел телевизор, потом без объяснений вышел в окно. Второй этаж и снег спасли ему жизнь, остальное сделали реаниматологи. Кома. С мутной перспективой...

Солодов посмотрел на часы. Он снова проспал три часа. Ровно. Чтoб тебя...

* * *

Три рубля...

Это сегодня три рубля — ничто. А тогда, вскоре после хрущевской реформы, три рубля — целое состояние. Можно три дня прожить. Одному. Не шикаю. Но можно. А семья из трех человек способна вообще закатыть пир на эти деньги. Хрустящие. Зелененькие. Новенькие...

Вот именно их, зелененьких, и недоставало.

Рая в который раз пересчитала выручку. Нет. Ровно три рубля. Хоть с мелочи начинать считать, хоть с червонцев. Не сходится.

У прилавка шуршала своей шваброй Сергешна. Так уборщицу, Клавдию Сергеевну, прозвал Костик, местный дурачок, которого жалостливые поварихи привадили несколько лет назад. Таким ли уж он уродился или случилось что, никто не знал, а спросить не у кого: ни родных, ни близких у Костики не наблюдалось. Здоровенный детина лет сорока с рассудком трехлетнего ребенка. Он ко всем относился ровно, с осторожным любопытством, а Сергешну почему-то выделял. Да и она старалась лишней раз пихнуть ему в карман то конфетку, то пирожок...

Рая вернулась к своим размышлениям про нежданную трату. Валера, конечно, поймет, дело не в этом, просто хотела после работы заскочить в мясной отдел (там обещали баранину «выкинуть»), а в кошельке как раз три рубля да копеек двадцать медяками.

Рая вздохнула, но достала из кошелька треху и вложила в кассу. Да, надо быть внимательней: может, сдачу лишнюю кому дала, может, еще как просчиталась, но трехи нет. Недостача есть недостача. Лучше, чтобы о ней никто не узнал. Сменщице надо кассу сдать в полном порядке. И — домой...

В мясной сегодня уже не надо. Зато можно успеть шторы закончить обшивать. А то новоселье справили, а шторы еще не повесили: не старыми же украшать новую квартиру.

Рая предвкушала, как зайдет Валерка в гостиную и ахнет: уж очень нарядно получится!

А может... Может, отправиться в Город? Да занять у кого-нибудь до получки... У них так и говорили: поехать в Город (это про Питер), а еще — на Большую землю (это про всю остальную страну).

Да, там, в Городе, на Невском проспекте она в прошлом месяце встретила Фиму Роговера, с которым познакомилась еще в эвакуации в Новосибирске. Его отец ушел на фронт добровольцем на четвертый день войны. Истощенного Фиму с мамой отправили из блокадного Города в не очень сытую Сибирь.

Потом после войны они оказались соседями по двору: отцу Фимы, дяде Семе, дали комнату в коммуналке, в соседнем подъезде. Довоенная квартира Роговеров была разрушена. Фима как-то показал Рае толстенную книгу: полное собрание сочинений Маяковского в одном томе. Это все, что осталось от огромной отцовской библиотеки: в лютую зиму сорок второго сожгли все, чтобы хоть немного согреться. «А его что, пожалели?» — удивилась Рая. Фима помотал головой. «Он целиком в буржуйку не влезал. А порвать — сил уже не было...» — с традиционной для его народа многовековой печалью сказал Фима. И рассказал, что поклялся отцу восстановить его библиотеку. «Выжили, и хорошо», — отмахнулся дядя Сема.

Потом судьба раскидала. Фима окончил пединститут, отправился в армию, после нее — учить детишек русскому языку и литературе, попутно оканчивая аспирантуру, а Рая вышла замуж и вместе с супругом оказалась здесь, на Острове. Мужа в брига-

де ценили с первых дней: жадный до работы, дотошный до премудростей ремесла, непьющий... Правда, беспартийный. И сколько его ни тянули — отшучивался: «Да куда мне, пролетарию... Мне бы разряд повысить — это дело...»

Да нет, не успеть, Валера придет с работы, а она в Городе. Нехорошо. Надо идти домой, шторы дошивать. Их дом, кстати, даром что новый, а уже вошел в историю.

Рядом с возводимой пятиэтажкой стоял заброшенный храм (старушки называли его Владимирским). Кому-то из ревнителей партийной чистоты не понравилось такое соседство: дом строится для передовиков советского производства, а тут хоть и закрытое, но идеологически неправильное здание. Решили снести. Накануне сдачи пятиэтажки. Приехали саперы. Заложили свои заряды. Рванули.

Храму ничего, только штукатурка кое-где полопалась, а у нового дома по стене пошла трещина. Тогда даже в «Огоньке» карикатуру нарисовали с куплетом:

Чтоб снести старинный дом,
Динамита грянул гром —
Не взорвался старый дом.
Рухнул — новый, за углом...

Ну, хоть новый и не рухнул, но храм на всякий случай решили больше не взрывать. Мало ли что...

Шторы получились — высший класс. Умелица Рая была с детства. Муж только руками развел. А про треху... Усмехнулся: «Ну, потеряла и потеряла. Кто-то найдет, кому-то подарок. А мы не обеднеем. Да и премию нам обещали за перевыполнение... Так что не дрейфь, Раюха! А шторы... Шик!». И показал большой палец.

На следующий день Рая уже было подумала, что история с недостачей пройдет незамеченной.

Не прошла.

— Галиева! — когда заведующая обращалась по фамилии, ничего доброго это не сулило. Рая подошла к Анне Филипповне, слегка похолодев.

— Ты вчера ничего не теряла? — лукаво прищурившись, спросила заведующая Раю.

— Нет, Анна Филипповна, ничего.

— Так... И недостачи у тебя вчера — не было?

— Не было, Анна Филипповна.

— Дура ты, Райка. Не делай так больше. Держи свою треху. Ее Сергешна нашла за твоим стулом, когда полы мыла. И кстати, она видела, как ты чего-то там с кассой возилась и из своего кошелька перекладывала.

Заведующая протянула Рае трешку.

— Спасибо, Анна Филипповна...

— То-то... «Спасибо»... Хорошая ты девка, да дурная. Неужто мы не поможем? Свои же люди-то. Ладно, беги давай, куда бежала.

* * *

После исчезновения советской власти в Город вернулись попрошайки.

Они прочно и уверенно оккупировали паперти открывающихся храмов, станции метро и другие временно пустующие территории.

Наиболее яркими представителями этой профессии стали инвалиды, переодетые в камуфляж. Изображая искалеченных войной (неважно какой), они облегчали карманы доверчивых горожан и гостей Северной столицы. А подающие, в свою очередь,

таким образом пытались подавить в себе неизбежное чувство вины перед искалеченными (неважно — войной, миром, водкой или судьбой).

Хельга чувством вины не страдала, потому мимо ветеранов камуфляжа проходила, не замедляя шаг. Как, впрочем, никогда не задерживалась и около многочисленных музыкантов, совмещающих репетиции на свежем воздухе подземных переходов со сбором средств в стиле, «кто сколько может на развитие культуры».

Но одна из попрошаек выбивалась из общего фона «коллег» своей необычностью. Она ни к кому не приставала, не рассказывала плаксивых историй, не кланчила рубля «на спасение человечества»... Одетая во все черное, она просто стояла посреди вестибюля станции «Нарвская» на коленях, крестилась и молча клала земные поклоны. Перед ней лежала приоткрытая котомка, в которую желающие клали свою лепту.

«Монашка, что ли?» — с любопытством подумала Хельга и опустила ей в котомку свое скромное подаяние.

Неожиданно женщина ухватила Хельгу за рукав:

— Дочку Раей назовешь. Раей! И не вздумай ее обижать! Слышишь меня?

Из-под надвинутого почти до переносицы платка на перепуганную Хельгу строго смотрели синие глаза.

— Раей! — еще раз крикнула вслед убегающей эта странная попрошайка.

Было это на прошлой неделе. Да. А сейчас...

Сейчас Хельга прикурила от предыдущего бычка вторую подряд сигарету. Спать не хотелось. И было от чего. Долгожданные для кого-то две полоски всякий раз для Хельги были неожиданностью.

Опять идти к однокласснице Тоньке в женскую консультацию? После того разговора как-то совсем не тянуло. Хотя что такого-то? Чего сразу глазами хлопать?

— Тебе? Гименопластику?

— Мне. А что?

— А портрет президента тебе там не вышить? Крестом болгарским да черным мулине?

— Почему... черным?

— Потому что Обама не совсем белый. Ты, мать, совсем сбрендилась? На кой тебе этот гемор? А... Погоди-погоди... Замуж за араба собралась, что ли?

Ну, не любила Хельга распространяться о своих планах, не любила. Делилась лишь свершившимся фактом. Чем жутко подбешивала экспрессивную Тоньку.

— Что, опять? — вскидывалась всякий раз подружка в ответ на очередную банку икры и бутылку коньяка.

— Ага...

— Тебя контрацепцией пользоваться не учили? Э... Да у кого я спрашиваю...

Последний разговор закончился тем, что Тонька протянула листок с адресом, телефоном и именем профессора:

— На. Лучший. Поедешь к нему в Город. Скажешь: от меня. Сделает из тебя обратно девочку. О цене сама договаривайся. И чтоб в ближайшую пятилетку я тебя у меня не видела!

Ну вот как с ней разговаривать?

— Хеля, ты бы не курила столько...

Это мать прошаркала в туалет, роняя дежурную фразу. Хельга вяло отмахнулась, как от задолбавшей мухи. Тоже мне... Учить она будет... Отношения с матерью разладились еще лет пятнадцать назад. В неудачном серфинге по внебрачным простыням виновата, конечно, мать. А кто еще? И свою семейную жизнь профукала, и на первый аборт дочь свою сама отправила... Отец — кадровый гусар, — утомленный заземленностью жены, однажды растворился в краю прибалтийского янтаря и шпрот, оставив на па-

мать о себе: супруге — фамилию, дочери — несоветское имя и белесые глаза. А мать всю жизнь пела одну песню про то, что все мужики... Понятно, в общем.

Еще сон этот дурацкий... Ходит Хельга по комнате с пылесосом и ищет что-то. Или кого-то? И одна мысль тикает между виском и затылком: «Должно быть восемь... А их только семь... Нашла семь... Должно быть восемь...»

Проснулась, как от судороги. Что за чушь? Почему — восемь?.. Схватила в тумбочке тест — и в туалет.

И что теперь?

Вспомнилась оперативка на прошлой неделе.

— Я вас долго жалел! — орал директор филиала. — Хватит! Недостачу будете компенсировать сами! Я вам что — добрый папа? С меня тоже спрашивают!

Его интонации плясали на характерный кавказский манер.

— Рафик... — попыталась было Хельга перевести разговор в мирное русло.

— Я тебе в постели Рафик! А здесь — Рафаэль Мусаевич! — рывкнул начальник. — Всем — работать! И тебя это тоже касается! Как всех!

Полдня Хельга проплакала в подсобке, вспоминая, как все начиналось. Цветы... Концерты... Дорогие подарки... Первая ночь, переполненная нежностью... Сказка, длившаяся полгода.

Потом встречи стали случаться все реже, разговоры — суше, улыбки — холоднее, перспективы законного брака — все призрачнее.

А теперь... При всех... При этих... Которые ненавидят начальство любого уровня (как по вертикали, так и по горизонтали) и ее в том числе. По определению. По классовой принадлежности. Она это знала. Как знала и то, что за глаза ее зовут Чухонкой. Причем «за глаза» — во всех смыслах...

Нет, она теперь, конечно, спуску не даст никому. Никаких отгулов и обмена графиками. Хватит либеральничать. А недостачу делить на всех. И пусть только кто-нибудь из них вякнет что-нибудь...

Нет, а с Тонькой-то что? Идти к ней? Или... Как же все это...

* * *

День рождения Рая решила отмечать дома. Да, вообще-то, она всегда его дома и отмечала. В молодости было не до ресторанов: когда Антошка родился — надо было его растить, кормить, воспитывать; потом — учеба (Валерка настоял: «Денег я зарабатую, а ты давай образовывайся! Хватит одного пролетария на семью!»); потом... Потом как-то не до всего этого было...

А уж в старости по кабакам ходить — и вовсе...

Хотя из области общепита одно кафе она все-таки любила. Там, в Городе, на Невском. Напротив Казанского. Пирожковая «Минутка». Выбор там — глаза разбегаются. Пирожки и жареные, и печеные, и начинка — какая хочешь. Больше двух десятков разных наименований. А попить: хочешь — чай, хочешь — кофе с молоком, хочешь — бульон мясной...

Изредка Рая туда навевывалась, когда бывала по какой-нибудь надобности в Городе.

Да, в тот вечер она возвращалась довольно поздно, завершив наконец необходимые дела и окончательно выйдя на пенсию. Решила перекусить в «Минутке» — и домой, на Остров.

День был хмурый, едва рассвело, но к полудню стало понятно, что тусклое утро плавно перейдет в вечер без всякой надежды на солнечный свет. Время года такое. И климат. Зажглись фонари.

Рая взяла два пирожка с ливером и кофе с молоком.

За соседним столиком с таким же небогатым обедом расположился человек в пальто с каракулевым воротником. Случайно встретившись с ним взглядом, Рая отвернулась к окну. Кого-то напомнил этот человек... Чем? Непонятно... То ли внимательными глазами за толстыми линзами очков, то ли поворотом головы, но уж всяко не старомодным каракулевым «пирожком»...

Он подошел сам.

— Простите, вас, случайно, не Рая зовут?..

— Фима... Боже мой...

Да, перед ней стоял тот самый Фима, собрат по эвакуации, с которым не виделись...

— Сколько же мы с тобой не виделись? Лет тридцать?

— Да нет, Рая, почти сорок. Целая жизнь...

— Да... Как ты? Где?

И правда, с последней встречи (той самой, что тоже на Невском) пути их не пересекались. Фима после аспирантуры уехал в Ровно, где больше десяти лет преподавал будущим педагогам, потом вернулся в Питер, в институт имени Герцена, преподавал на кафедре русской литературы в Институте народов Крайнего Севера, писал докторскую, учебники, методички, монографии... Жена, дочка, внук...

— Что ты все про меня расспрашиваешь, ты-то как?

Рая пожала плечами. О чем особо-то рассказывать? Про Антошку, который по совету отца окончил военное училище и был направлен в Афганистан? Про Валерку, который через месяц после Антошкиных похорон упал с пирса на мотоцикле? «Уснул, наверное», — сказал следователь. Уснул? На мотоцикле без коляски? Да ну... Беречь старые раны... О чем рассказать? О том, что после всего этого не сойти с ума помогла работа чуть не в две смены? Не привыкла Рая про свое говорить.

— Вот на пенсию вышла... Сегодня. Праздную, — и горько усмехнулась.

— Послушай, а приходи-ка к нам в гости! Жена будет рада. Познакомлю вас. Сейчас телефон напишу и адрес...

Фима достал из потертого портфеля блокнот и вырвал страничку. Рая, глядя на появляющиеся буквы и цифры, написанные красивым мелким почерком, думала о том, что, несмотря на тепло этой случайной встречи, вряд ли позвонит. И не позвонила.

А вообще в кафе день рождения она отпраздновала только раз. В тот год обе ее подруги неожиданно «вышли из строя» (как сказала одна из них). Кира подхватила где-то грипп, а Васька (Василиса) подвернула ногу. «Ладно, еще не сломала!» — оптимистично прокричала она в трубку.

Пенсию тогда задерживали регулярнее, чем выплачивали, хотя кое-что Рая себе на праздник отложила. Но раз такое дело... Поехала в Город. Вот и дом, где прошло ее детство. Зашла в парадную. Посидела на тех ступеньках, где в последний раз видела тетю Лиду. Такая уж традиция у нее сложилась: в этот день прийти сюда, вспомнить своих близких, маму, тетю Лиду, всех, кто уже давно ходит по другим парадным...

Потом пошла в ближайшее кафе. Взяла чаю и два (гулять так гулять!) кусочка фирменного торта «Север». Обычно Рая видела его только в кондитерском на Невском, напротив Гостинки, да и то всегда за ним была давка. А тут... Надо же, и правда ко дню рождения подарок.

В кафе ввалилась шумная, но небольшая молодежная компания. «Студенты...» — подумала Рая и поехала. Ей хотелось тишины в этот день, но что уж поделаешь, место общественное.

Дальнейшее она вспоминала со стыдом. Как только во рту оказалась первая ложечка с «Севером», руки у Раи задрожали, и она, как в каком-то сомнамбулическом состо-

янии, набросилась на торт, изредка запивая чаем. Когда со сладостями было покончено, именинница заметила, что на нее уставился один из той студенческой компании. Взгляд этого длинноволосого долговязого парня был каким-то... Жалостливым, что ли... Рая покраснела, быстро собралась, поставила кружку на поднос с грязной посудой и стремительно (как ей тогда показалось) вышла на улицу.

Нет, больше в кафе она не хотела. Да и подружки, слава богу, сейчас здоровы. Поэтому собраться решили у «новорожденной» дома. А значит, пир на весь мир. А что? В кои-то веки... Пенсия сейчас стала иной, доплата за минувшее восьмидесятилетие, да и за блокаду подбрасывают — можно и развернуться.

Рая отправилась за продуктами. Недавно недалеко от дома открылся большой магазин от какой-то там сети. Здесь и скидки бывали, и акции разные, да и продукты неплохие, позволяющие не вспоминать печальные девяностые с их двухразовым питанием бульонными кубиками с батоном...

Предвкушая праздник, покупательница складывала в корзинку все, что считала необходимым. Сыр двух сортов (Васька любит помягче, а Кира, наоборот, что-нибудь типа пармезана), сервелат, кусок балычка, помидорки на салат (когда это в январе раньше можно было помидоры купить?!), огурчики, петрушку, грудинку и торт, конечно же (как без торта-то?). Хороший чай и бутылочка кагора припасены заранее. Ну что еще? О. А вот буженина. Ничего себе... Когда она была на прилавках в последний раз? Так, грудинку — на место, а буженинку — в корзинку... Красота!

Кассирша, «пропикав» своим прибором штрихкоды покупок, объявила финансовый приговор. «Вполне!» — улыбнулась про себя Рая и взяла в руки сумку с кошельком.

— Ой! Масло еще не пробили! Забыла, — смутилась она, увидев спрятавшуюся от посторонних глаз под сумку пачку масла.

— Ничего, сейчас...

Кассирша уже хотела было пробить масло отдельным чеком, но замерла от окрика: «Стоять!»

От соседней кассы с перекошенным лицом к ним направлялась Хельга.

— Забыла? А пенсию свою вовремя получить — не забыла? А? Что там? Пачка масла? А? А чего одна-то? На еще!

Хельга выхватила из холодильника, стоявшего на пути еще пару пачек и швырнула Рае в корзинку.

— Мало? А? Полмагазина уже растащили, сволочи! А ты что вылупился, охранник хренов? Где твоя долбаная кнопка? Жми давай!

Охранник удивленно развел руками.

— Ты еще станций здесь! Жми, сказала! Уволю!

* * *

Солод курил на крыльце магазина. «Охранно-пищевая» цепочка работала просто: в случае вопиющего правонарушения дежурный в магазине жал тревожную кнопку, на вызов приезжал старший (в этот день — Солод) и разруливал. Если ситуация выходила за рамки словесных решений непосредственно на месте, то Солод уже вызывал наряд патрульно-постовой службы. Что и произошло сейчас.

«Достала, дура!» — раздраженно запустил бычком в сторону урны Солод. Действительно, решить вопрос — щелчок одним пальцем. Расплатилась бабка за масло — и по домам. На кой этот вынос мозга? Что ее — в отделение волочь? И влупить пожизненное?

Подъехал узик ППС. Взвизгнула открывающаяся дверь.

— Привет, ПеПСи-Коля!

- Здорово, Солод. Не язви. Чего тут у тебя? Опять ограбление Скотленд-Ярда?
- Отлезь, дезинфекция. Тут все по-взрослому. Попытка проноса через кассу оплаченной пачки масла. По версии заведующей — трех пачек. И злостная попытка. По свидетелям — одна пачка и тупо забыто пробить.
- Блин, Солод...
- А я — что? Чухонка как с цепи сорвалась, орет чуть не матом, бабка там синяя от страха, охранник почти в коме. А я, чтоб ее, исполняю обязанности.
- Ладно... Денис! Веди сюда преступницу, разберемся. Как сам?
- Обалденно. Видишь, при жратве и в цирке.
- Ну да, у хлеба и зрелищ. Мечта... Да. Слыхал про Колобка?
- А то. Получается, кроме сеструхи, я его последним видел. Нормально посидели, попели-попили, я — домой, он — в окно. Чуть какая-то...
- Ага. А при осмотре квартиры знаешь, что у него нашли? Двадцать тонн «зелени». А знаешь где? В унитаэном бачке. В целлофановом пакете.
- Да ладно... погоди, квартира-то коммунальная!
- И? Один сосед год назад помер, другие, муж с женой, полтора года уже в Индии, на новую квартиру копят.
- То есть...
- Не-не. Я — не по выводам. Я — по фактам.
- Да ну, бред какой-то... Я же видел, как они с сеструхой живут. Нищоброды. К ним в гости-то никто, кроме меня да Филя, не заходил.
- Филя?
- Ну.
- А про него ты слышал? Нет? Ладно. А про экипаж ДПС, который на Ваське расстреляли?
- Это где еще и машину сожгли?
- Да. В экипаже было двое. Тел — три. Знаешь, кто был третий?
- Да ладно...
- Парадно. Барабанчики пошептали, что в тот день перевозили черный нал. То ли казино, то ли борделя...
- А Фил, значит, за инкассатора?
- Что-то типа того.
- погоди-погоди... Это было... В прошлую пятницу днем. Я приходил к Колобку вечером. Он всегда на ночь смотрит «Чрезвычайку»... Да, там, наверное, и сообщили об этом...
- Ты про что?
- погоди...
- В это время из магазина вышел второй патрульный. Он подвел с трудом держащуюся на ногах Раю к старшему.
- Денис, ну что ты шарахаешься! Посади гражданку в салон, сейчас поедем. Да и адрес у нее узнай!
- Так мы не в отделение?
- Ну вот где таких берут, Солод, а? В адрес!
- погоди-погоди...
- Солодов пытался соединить пазлы, высыпанные перед ним: баксы в унитаэном бачке в коммуналке, пропавший герыч, гибель Филя, прыжок Колобка... Но истощенный бессонницей мозг видел что-то общее, но целиком картину сложить никак не мог.
- Шеф! Тут пассажирка совсем плохая!
- ПеПСи-Коля хлопнул Солодова по плечу:

— Ладно, потом. Ну чего ты, Дэн! Врубай «люстру» и в приемник! Давай-давай-давай! Почти на ходу запрыгнув в уазик, старший наряда отсалютовал приятелю, и машина рванула, завывая сиреной.

* * *

Рая шла по знакомому и одновременно незнакомому парку. Он очень напоминал ей Летний сад. Такой же многолюдный, только без скульптур и фонтана. Цвели какие-то деревья, их аромат причудливо переплетался с пряным запахом подвяленной листвы, какой бывает в октябре.

Аллеи, залитые золотым светом, можно было принять за осенние, если бы не этот аромат шиповника, роз, черемухи, яблони и сирени. На одной из скамеек Рая увидела тетю Лиду и маму, которые радостно закивали ей.

«Почему они одного возраста? И такие молодые...» — удивилась Рая.

И вдруг откуда-то с той стороны, где за деревьями угадывалось солнце, послышался до сердечной боли родной голос:

— Мама! Ма-ам!

— Антошка...

Неведомое счастье заполнило все Раино существо. В какой-то момент ей даже стало страшно, что она не выдержит, что ее разорвет, как воздушный шарик, но вместо этого она почувствовала необычайную легкость, и вот она уже не идет, а летит на голос.

— Ма-ам!

Все выше и выше.

Туда, где за деревьями Солнце.